

УДК 821.134.2.09 (72)

DOI 10.25688/2076-913X.2020.38.2.13

М.И. Баранова

Коллективная память чиканос в романах Роландо Инохосы

В статье рассматривается воплощение коллективной памяти чиканос в романах писателя Роландо Инохосы, который фиксирует переход коммуникативной памяти в культурную, от истории-памяти к человеку-памяти. Коллективная память чиканос изучается в рамках социальной феноменологии и теорий памяти Я. Ассмана, Ю.М. Лотмана, П. Нора и С.Е. Эрлиха. Проблема самоидентификации современных мексикано-американцев объясняется с точки зрения гибридного и мифологического характера их коллективной памяти, в связи с чем выделяются мифологемы пути и смерти.

Ключевые слова: Роландо Инохоса; коллективная память; чиканос; мексикано-американская литература.

Цикл *Klail City Death Trip Series* Роландо Инохосы (Rolando Hinojosa-Smith), p. 1929), мексикано-американского писателя, лауреата премии независимого издательства литературы чикано *Quinto Sol*, обладателя литературной премии *Casa de las Américas*, охватывает историю общины чиканос, проживающей в вымышленном округе Бэлкэн (*англ.* Belken County) на границе США и Мексики, с середины XVIII в. и до наших дней.

В своих романах Инохоса описывает жизнь и конфронтации трех групп, населяющих долину реки Рио-Гранде: первых испанских поселенцев, предки которых прибыли на континент под предводительством лейтенанта Хосе де Эскандона (*исп.* Jose de Escandón) и получили землю от короля Испании, англичан, крупных скотоводов, которые захватили власть и на протяжении долгого времени контролировали политическую и экономическую жизнь округа, и мексиканцев, которые, появившись на этой территории век спустя, перешли на сторону англичан в споре за землю. На этом историческом фоне разворачиваются события, связанные с двумя главными персонажами, Рафе, или Рафа (*исп.* Rafael), Буэнростро (Rafe Buenrostro) и Хэу Малькара (Jehú Malcara), которые родились в 30-е гг. XX в. в мексикано-американской общине, они же выступают в роли повествователей-проводников по истории и воспоминаниям чиканос.

Повествование в романах Инохосы, фрагментированных и многоголосых, охватывающих разные временные и пространственные локусы, строится по принципу ретроспективы, взрослые и состоявшиеся Рафе и Хэу вспоминают истории из своей жизни и жизни членов их общины. Они перемещаются из локуса в локус, каждый из которых характеризуется своей проблематикой,

а члены общины становятся для них «остановками», помогая главным героям раскрыться и обрести свою индивидуальность.

Можно сказать, что Рафе и Хэу являются субъектами коммуникации и коллективной памяти, обусловленной социальным контекстом. В связи с этим необходимо рассмотреть механизмы включения главных персонажей в коллективную память чиканос в рамках конструктивистского направления в социальной феноменологии [5].

Так, в процессе поиска себя, своей идентичности Рафе и Хэу проходят этапы первичной и вторичной социализации. В раннем детстве они включаются в социальную реальность чиканос: их окружают испаноговорящие члены общины, они ходят в мексиканскую школу, другими словами, герои не испытывают трудностей с самоидентификацией и относят себя к группе «своих» мексикано-американцев, а англо-американцев — к «чужим». При переходе в англоговорящую школу Рафе и Хэу вступают в фазу вторичной социализации: расширяется круг их знакомых, появляется постоянная необходимость использовать английский язык, они получают доступ к новым воспоминаниям, воспоминаниям «чужих». Так, в подростковом возрасте Рафе и Хэу сталкиваются с проблемой самоидентификации, появившейся в результате приобщенности к двум типам коллективной памяти: англо- и мексикано-американцев.

Алгоритм определения «своих» и «чужих» по принципу: «свой» — значит, я могу объяснить его действия, «чужой» — значит, не могу, больше не работает. Например, Рафе и Хэу не могут понять мексикано-американцев, голосующих на выборах шерифа за глупого и невежественного англо Биг-Фута из-за наивности или продажности. Точно так же им непонятна дискриминационная политика руководства школы, которое дает футбольные куртки только англо-американским членам команды.

С одной стороны, Рафе и Хэу сохраняют верность общине чиканос: в школе они общаются между собой только по-испански, чтобы подчеркнуть свою идентичность. С другой стороны, они верят в то, что «человек может сделать себя сам» (*англ.* — *self-made man*), иными словами, трудом и упорством они могут достичь любых целей. Например, Рафе и Хэу добиваются, чтобы им дали футбольные куртки, как остальным членам команды [2, р. 70]. Эта двойственность делает из главных персонажей уникальных непредвзятых носителей коллективной памяти чиканос, которые чувствуют себя настолько же американцами, насколько и мексиканцами.

Кроме того, интересно рассмотреть коллективную память общины в рамках теории Я. Ассмана, согласно которой коллективную память можно разделить на «коммуникативную», охватывающую воспоминания, связанные с недавним прошлым, например память поколения, и «культурную», которая объективируется в форме текстов и коммеморативных практик [4, с. 51–54]. Так, основываясь на теории Я. Ассмана, можно говорить о том, что главные персонажи являются субъектами коммуникативной памяти: общаясь с разными

представителями общины, родными, сверстниками и старожилами, они реконструируют память разных поколений. Однако в конце второго романа цикла Хэу говорит о том, что пишет хронику общины [1, р. 97]. Таким образом, можно говорить о том, что он становится хроникером, хранителем этой памяти, а коммуникативная память чиканос переходит в память культурную.

С точки зрения способа хранения и передачи информации, согласно классификации Ю.М. Лотмана, Инохоса фиксирует переход чиканос от традиционного общества к модерну [6]. В процессе диахронной коммуникации, цель которой состоит в сохранении сведений о порядке и норме, община чиканос опирается на устные способы передачи информации. Важным является тот факт, что несмотря на большое количество исторически трудных для общины событий, таких как Американо-мексиканская война, Мексиканская революция, Вторая мировая война, война в Корее, эксплуатация чиканос и этническая дискриминация, — коллективная память чиканос не фиксирует эти события как эксцесс или травму, а отражает отдельные случаи гибели чиканос или нарушения их прав фактологически. Цель запечатлеть события общины с фиксацией дат и причинно-следственных связей появляется лишь у главных персонажей, благодаря которым коллективная память чиканос переходит на хроникально-нарративный уровень.

Оценивая восприятие вышеуказанных исторических событий персонажами и исходя из противопоставления «свои – чужие», можно прийти к выводу о том, что, с точки зрения чиканос, в отношениях мексикано- и англо-американцев взаимодействие превалирует над конфронтацией, а именно: во время гражданской войны в США мексикано-американцы находятся по обе стороны баррикад, наравне с англо-американцами чиканос принимают участие во Второй мировой войне и войне в Корее, и единственным яблоком раздора для них является вопрос раздела земли. В романах Инохосы коллективная память чиканос лишена как таковых исторических мексиканских героев или американских антигероев, а столкновение между англо и мексикано, как и героизм, проявляется на локальном уровне.

Опираясь на утверждение Я. Ассмана о том, что «в культурной памяти фактическая история преобразуется в воссозданную воспоминанием, то есть в миф», а миф — это «обосновывающая история, история, которую рассказывают, чтобы объяснить настоящее из его прошлого», стоит проанализировать мифологический характер коллективной памяти чиканос [4, с. 55].

Так, С.Е. Эрлих предлагает рассматривать три нарратива, в которых материализуется коллективная память, идентичность и нормы отношений «свои – чужие»: сказку, героический миф и миф о самопожертвовании. Все три нарратива мы встречаем в романах Инохосы [9]. Во-первых, это новая «сказка», в которой героями выступает семейство Рафе Буэнростро, защищающее не только свое ранчо, но и земли других членов общины, которые постепенно захватывает семья Легисамон. Как замечает С.Е. Эрлих, в сегодняшних

реалиях «сказка» заключается в обеспечении материальных потребностей, находит свое выражение на уровне локальных объединений «семья» или «бандитское формирование» [9, с. 10]. Для «бандитов» Легисамон «свои» — это только члены семьи, поэтому для чиканос Легисамон становятся «чужими» в обличье «своих», они предают общину ради собственной выгоды, заключая соглашение с англо-американцами, в результате которого погибают почти все члены семьи Легисамон. Для Буэнростро, напротив, «свои» — это вся община, для них нет беды «своей» и «чужой» [2, р. 28].

Героический миф находит свое воплощение в повествовании о войнах, в частности о Корейской войне, в которой участвует один из главных персонажей — Рафе. Однако Инохоса развенчивает миф о героях, в его интерпретации мексикано-американские герои не получают должного уважения и почета, они испытывают все ту же дискриминацию со стороны своих американских сослуживцев, как во время военных действий, так и после.

Миф о самопожертвовании все также связан с семьей Буэнростро. Отец Рафе, Хесус, погибает от рук наемников семейства Легисамон. Хесус буквально превращается в мученика, которого вспоминают все чиканос, встречающиеся с Рафе в романах. Совокупность фрагментарной памяти членов общины в романе «Клейл-Сити» об отце Рафе, чья смерть также несет сюжетобразующую функцию, позволяет Рафе восстановить фрагменты семейной истории и обрести часть собственной идентичности. В цикле Инохосы образ отца Рафе постепенно теряет индивидуальное и сохраняет только образцовое, вследствие чего его образ мифологизируется членами общины и приобретает сакральный характер [2, р. 26].

В связи с этим интересно рассмотреть мифологизирующую способность коллективной памяти чиканос. По сравнению с другими писателями-чиканос в романах Инохосы традиционные идеи чиканос о божественном предназначении «бронзовой расы» прослеживаются слабее, а вывод о том, что Рафе и Хэу воплощают миф о новом человеке, объединяющем в себе Север и Юг, мексиканскую и американскую ментальность, можно сделать лишь условно. Автор не наделяет главных персонажей какими-либо выдающимися способностями, не ставит перед ними сверхцели, они, как и другие члены общины, принимают правильные и неправильные решения, которые определяют их жизненный путь.

Первостепенными в цикле Инохосы становятся мифологемы пути и смерти, к которым дается отсылка уже в названии *Klail City Death Trip* (Конечная остановка — Клейл-Сити). Тема пути так или иначе звучит в повествовании о почти всех главных и второстепенных персонажах. Например, Хэу, современный пикаро, став сиротой в детском возрасте, последовательно меняет семьи и места: он путешествует с труппой передвижного цирка под руководством Дона Виктора, который заменяет ему отца, живет в семье католического священника Дона Педро, являясь послушником в его приходе, затем сбегает

со странствующим проповедником братом Имасом и работает на ранчо Дона Сельсо.

Рафе, в свою очередь, проходит путь войны, воодушевленный примером ветеранов Второй мировой войны, он принимает участие в военных действиях в Корее, которые оставили неизгладимый отпечаток на его судьбе. Вернувшись домой, он, как и Инохоса, получает образование в рамках программы помощи ветеранам, преподает в университете, а позднее становится полицейским.

Виола Барраган, овдовев, выходит замуж за немецкого дипломата и во время Второй мировой войны следует за ним по всему миру, от Мексики до концлагеря для немецких и итальянских служащих в Калькутте и Южной Африке. Виола проходит путь от содержанки до самой влиятельной женщины в округе, олицетворяя эмансипацию мексикано-американок.

Мифологема пути проявляется и в повествовании о чиканос-«пилигримах», которые ежегодно совершают опасные путешествия на заработки в северные штаты (персонаж-повествователь Галиндо), о революционерах, которые покинули США, чтобы принять участие в гражданской войне в Мексике (Дон Мануэль Гусман). Точечно тему пути можно увидеть в скитаниях проповедника Имаса, уходе из дома с трупой артистов двоюродной сестры Хэу, Вики, пути, который преодолевает проститутка Джулли, убившая своего мужа, из одного города в другой, чтобы избежать линчевания, и т. д.

Мифологема смерти актуализируется практически во всех главах хроники Инохосы, из которых читатель, будто между прочим, узнает о смерти одного из второстепенных, иногда еще неизвестных, персонажей. Повествователи Рафе и Хэу встречаются со смертью постоянно, в детстве оба потеряли родителей, Хэу практически сразу теряет и своего «второго отца» Дона Виктора. Большое число их одноклассников и друзей погибают в Корее. А вернувшись с войны, Рафе постоянно встречается в Мексике с ветеранами Второй мировой и гражданской войн. Кроме того, будучи подростком, Рафе работает в баре и иногда сам бывает свидетелем уже не таких героических смертей.

В результате цикл Инохосы становится своеобразной интерпретацией «пляски смерти». Кроме того, тема смерти возвращает читателя к мифу о новом человеке. Эпиграфом к первому роману в цикле послужили немного измененные строки английского поэта Мэтью Арнольда: «рожденные меж двух миров, один уж мертв, второй еще и не рожден» (англ.: *Born between two worlds, one dead and one as yet unborn*, R. Hinojosa; *Wandering between two worlds, one dead the other powerless to be born*, M. Arnold). В этом эпиграфе Инохоса говорит читателям о том, что старый чикано «мертв», а новый «еще не рожден», т. е. чиканос находятся на пути своего становления. Исследователь творчества Инохосы Джойс Гловер Ли утверждает, что главная задача Р. Инохосы — это «показать влияние истории и социальных перемен на отдельного человека и на все мексикано-американское сообщество в целом» [3, p. 23].

В рамках изучения мифологемы смерти стоит отметить, что кладбище становится ключевым «местом памяти»¹ чиканос, которое выполняет несколько функций в романе [7]. Согласно классификации Пьера Нора, кладбище можно отнести к «монументальному месту» памяти, куда приходят главные герои, чтобы проститься с членами общины [8, р. 15]. Однако в коллективном восприятии общины кладбище — это не всегда место скорби, поскольку похоронной процессии часто предшествует торжественное и «веселое» прощание, являющееся для членов общины поводом для встреч, которое сопровождается оживленным общением, выступлением хора, музыкантов и продажей сладостей. Кладбище — это также место действия странных историй, например, о покойном, который завещал похоронить себя стоя, это место пересудов о том, что англо-американцы недостаточно рьяно почитают своих покойных, потому что их кладбища слишком бедно украшены. Таким образом, в романах Инохосы происходит десакрализация кладбища как официального места памяти, оно теряет свое изначальное значение для общины. Похожий процесс можно наблюдать в романе «Клейл-Сити» с памятником ветеранам Второй мировой войны. Дон Аурельяно Мора разрушает памятник в знак поправленной справедливости, после того как его сын Амбросио, ветеран Второй мировой, был застрелен заместителем шерифа округа Ван Меерсом.

Рассмотрев проблему коллективной памяти чиканос, следует добавить, что ее воплощение в романах Инохосы можно охарактеризовать как переход от официальной «истории-памяти», в которой вплоть до середины XX в. замалчивались многие неоднозначные для чиканос события, к «человеку-памяти». Общаясь с членами своей общины, главные персонажи реконструируют память разных поколений, они путешествуют по воспоминаниям тех, кто является «немыми свидетелями истории», а также отдает долг памяти тем, кто уже не может рассказать свою историю.

Библиографический список

Источники

1. *Hinojosa R.* Klail City // Klail City y sus alrededores, Bilingual Edition, Arte Público Press, Houston, Texas, 2014. 240 p.
2. *Hinojosa R.* The Valley // Estampas del valle, Bilingual Edition, Arte Público Press, Houston, Texas, 2014. 256 p.
3. *Lee J.G.* The Fictional World of Rolando Hinojosa, Denton, Texas, 1993. 177 p.

Литература

4. *Ассман Я.* Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004. 363 с.
5. *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. 323 с.

¹ Термин Пьера Нора.

6. *Лотман Ю.М.* Альтернативный вариант: бесписьменная культура или культура до культуры? // Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 344–356.

7. *Nora P.* Всемирное торжество памяти [Электронный ресурс] // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3 (40–41). URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/vsemirnoe-torzhestvo-pamyati.html> (дата обращения: 17.02.2019).

8. *Nora P.* Between Memory and History: Les Lieux de Memoire // Representations. 1989. № 26. P. 7–24.

9. *Эрлих С.Е.* Три нарратива коллективной памяти: волшебная сказка, героический миф, миф самопожертвования // Историческая экспертиза. 2017. № 2. С. 9–16.

References

Istochniki

1. *Hinojosa R.* The Valley // Estampas del valle, Bilingual Edition, Arte Público Press, Houston, Texas, 2014. 256 p.

2. *Hinojosa R.* Klail City // Klail City y sus alrededores, Bilingual Edition, Arte Público Press, Houston, Texas, 2014. 240 p.

3. *Lee J.G.* The Fictional World of Rolando Hinojosa, Denton, Texas, 1993. 177 p.

Literatura

4. *Assman Ya.* Kul'turnaya pamyat'. Pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vy'sokix kul'turax drevnosti. M.: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2004. 363 s.

5. *Berger P., Lukman T.* Social'noe konstruirovaniye real'nosti. Traktat po sociologii znaniya. M.: Medium, 1995. 323 s.

6. *Lotman Yu.M.* Al'ternativnyj variant: bespis'mennaya kul'tura ili kul'tura do kul'tury? // Lotman Yu.M. Vnutri my'slyashhix mirov. Chelovek – tekst – semiosfera – istoriya. M.: Yazyki russkoj kul'tury, 1999. S. 344–356.

7. *Nora P.* Vsemirnoe torzhestvo pamyati [Elektronnyj resurs] // Neprikosnovennyj zapas. 2005. № 2–3 (40–41). URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/vsemirnoe-torzhestvo-pamyati.html> (data obrashheniya: 17.02.2019).

8. *Nora P.* Between Memory and History: Les Lieux de Memoire // Representations. 1989. № 26. P. 7–24.

9. *Erl'ix S.E.* Tri narrat'iva kollektivnoj pamyati: volsheb'naya skazka, geroicheskij mif, mif samopozhertvovaniya // Istoricheskaya e'kspertiza. 2017. № 2. S. 9–16.

M.I. Baranova

Collective Memory of Chicanos in Rolando Hinojosa's Novels

The paper dwells on the representation of Chicano collective memory in Rolando Hinojosa's novels. The writer captures the moment of communicative memory converting into the cultural memory, historical memory into the personal one. The Chicanos' collective memory is studied in the framework of social phenomenology and memory theories of various researchers, such as Jan Assmann, Yuri M. Lotman, Pierre Nora and Sergey E. Erl'ix. The problem of Mexican-Americans' self-identification is explained by hybrid and mythological nature of their memory. The article also elaborates on the mythologems of trip and death.

Keywords: Rolando Hinojosa; collective memory; chicanos; Mexican-American literature.